

УДК 821.161.1-343
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-106-115

EDN UHXMIV

Художественный мир философской сказки: реалии в творчестве Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова

Вероника Валентиновна Домашнева

аспирант кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. dom.ver@mail.ru

SPIN-код: 4749-4502

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2237-0201>

ResearcherID: IQU-2539-2023

Статья поступила в редакцию 15.06.2023

Одобрена после рецензирования 14.10.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Домашнева В. В. Художественный мир философской сказки: реалии в творчестве Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 106–115. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-106-115

Аннотация. Статья посвящена исследованию типов и функций реалий, представленных в философских сказках Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова. Произведения, направленные на раскрытие духовно-нравственной проблематики, изображают мир через соотнесение бытийного и бытового, что обуславливает необходимость изучения принципов воплощения в них примет эпохи. Обращение к мотивному анализу с учетом историко-культурной ситуации позволило определить, что в цикле С. Козлова важным становится представление домашнего пространства и соответствующих бытовых реалий, обретающих космический масштаб и тем самым утверждающих идею о Вселенной как общем доме, а в творчестве Г. Цыферова соответствующие объекты рассматриваются в связи с проблемой становления общественно активной личности, приоритетным оказывается исследование реалий городской жизни, на примере которых раскрывается мысль о стремлении к добру и красоте как основе исторических преобразований. Также отмечается, что оба писателя обращаются к сфере культуры, но если Г. Цыферов в большей степени апеллирует к жизненному опыту адресата, побуждает его к переосмыслению знакомых объектов, выстраивая ассоциативные цепочки и актуализируя дидактическую функцию юмора, то С. Козлов привлекает внимание читателя к абсолютно новой для него информации, отмечая специфику реалий разных культур, тем самым стимулируя интерес к знакомству с иной картиной мира и обуславливая возможность соприкосновения с ней через общие ценности. Делается вывод о том, что характеристики реалий, вводимых в художественный мир философской сказки, меняются в зависимости от психолого-возрастных особенностей адресата и идейно-эстетических воззрений автора, но в любом случае установление подобной связи с действительностью позволяет раскрыть идейную составляющую произведения, посвященного бытийной проблематике.

Ключевые слова: Г. М. Цыферов; С. Г. Козлов; философская сказка; русская детская литература; реалия.

Философская сказка – жанровая разновидность литературной сказки, остающаяся на периферии изучения детской литературы, несмотря на значимость бытийной проблематики для становления личности¹. Будучи направленным на исследование мироздания и места человека в нем через синтез фантастического и реалистического [Овчинникова 2001: 178], произведение создается с целью раскрыть этико-эстетические воззрения писателя и приобщить маленького адресата к определенной системе идей и ценностей, научить его ориентироваться в мире, наблюдать и размышлять. Этим обуславливается стремление автора философской сказки установить связь с внелитературной действительностью, а именно соотнести бытийные категории с современностью, с жизненным опытом относительно конкретной группы людей: описанная в сказке ситуация предстает в качестве частного случая реализации общих законов мироздания, что утверждает их универсальную применимость и способствует лучшему восприятию идеи читателем, в большей степени склонным к наглядно-образному мышлению [Спиридонова 2019: 438–441].

Одним из важнейших способов установления подобной связи с действительностью является введение в художественный мир произведения реалий – «предметов или явлений, связанных с историей, культурой, экономикой и бытом» [Швейцер 1973: 250]². В целом для философской сказки характерна лаконичность описания материального плана – установка на бытийную проблематику, превалирование интереса к универсальным категориям детерминируют некоторую условность изображения, стремление к максимальной обобщенности. Указание примет определенной эпохи наравне с традиционно сказочными элементами способствует созданию особого, острого художественного пространства, подвергающего сомнению привычное понимание самой природы реальности и представляющего окружающий мир как сферу духовно-нравственной проблематики через утверждение принципиальной соотнесенности материального и духовного, быта и бытия. При этом характер упоминаемых в философской сказке реалий, исполняемые ими функции во многом обуславливаются индивидуальными особенностями мировоззрения и творческой манеры автора, а также ориентацией на определенный психолого-возрастной тип адресата, что можно увидеть на примере произведений Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова – детских писателей второй половины XX в. Их творчество обладает рядом схожих черт: эти авторы ориентируются на малую

жанровую форму, более доступную для полноценного восприятия ребенком, не обладающим опытом чтения текстов больших объемов, но одновременно с этим актуализирующую законности стихового ряда [Тынянов 1924], обогащающий произведение новыми смыслами, и объединяют сказки-миниатюры [Коваленко 2017: 46] в полные лиризма и юмора циклы, представляющие своеобразное мировидение героя, по характеру близкого маленькому адресату и помогающего ему обрести нравственные ориентиры на своем примере.

Оба писателя исследуют разные сферы жизни человека, но для каждого можно выявить некоторые приоритетные направления, подразумевающие обращение к определенной группе реалий³. Так, в цикле сказок о Ёжике и Медвежонке С. Козлова особое значение приобретает изображение домашнего пространства, основой для которого становится название бытовых реалий, относящихся к соответствующим подгруппам, – внимательное изучение ряда произведений позволяет получить представление о самом типе сооружений (бревенчатый дом с крыльцом [Козлов 2005: 98], обогреваемый печью [там же: 27, 52, 58]), их внутренней планировке (упоминается чердак [там же: 37], чулан [там же: 24] и кладовая [там же: 58]), мебели (стол [там же: 92], кресла [там же: 97], кровать [там же: 19]) и иных предметах обихода (самовар [там же: 9], часы [там же: 92], одеяло [там же: 208]). При этом описание данных объектов в сказках Козлова, как правило, не представлено; писатель апеллирует не столько к исторической специфике реалий, обычно отражаемой в конкретных деталях, сколько к их вневременному, символическому значению. Введение в художественный мир произведения предметов, связанных с традиционным укладом жизни (печь, самовар⁴) и изготовленных из натуральных материалов (мебель из дерева), позволяет изобразить гармоничный мир вдали от цивилизации, в котором восстанавливается связь человека и природы⁵. Дом предстает как «свое» обособленное пространство, где индивид, освободившийся от внешней суеты, возвращается к своему истинному Я [Лишаев 2010: 144–153] и обретает возможность соприкосновения с бытием. Созерцание природы, наблюдение за изменениями собственного душевного состояния и осмысление выявленных закономерностей требует высокой степени сосредоточенности, что обуславливает необходимость создания и сохранения соответствующей атмосферы в условиях быта. Так, в сказке «Разрешите с вами посумерничать» [Козлов 2005: 145–146] Ёжик и Медве-

жонок проводят время, открывая для себя разные состояния мира, претерпевающего метаморфозы на границе дня и ночи (туман – сумерки – ясная ночь). Эта своеобразная традиция обязательно предваряется подготовительным этапом, во время которого создаются условия для спокойного и длительного созерцания (Ёжик выносит на крыльцо плетеные кресла), значимость⁶ которых подтверждается негативными последствиями вторжения «чужого»: не вполне уместное поведение Зайца нарушает гармонию домашнего пространства и, на первый взгляд, препятствует духовной деятельности. Отмечая влияние бытового фактора на возможность приобщения к высшим ценностям, писатель, однако, не утверждает его в качестве определяющего – способность воспринять идеальную сторону бытия через ее материальные воплощения в большей степени зависит от личностных качеств индивида. В финале произведения Ёжик и Медвежонок, несмотря на неблагоприятную обстановку, снова чувствуют единение с миром, когда на ночном небе появляется месяц: узкая линия света, будто разрезающая тьму, вероятно, символизирует возможность прорыва за границы обыденной жизни, плодотворность поиска для тех, кто умеет отличать действительно ценное от преходящего и сосредоточиваться на нем. Заяц, от природы активный и беспокойный, инстинктивно далек от такого типа познания, он, подобно друзьям, тоже стремится к духовному, но не замечает гармоничности сосуществования природы и культуры, представленных соответствующими реалиями, и поэтому способен только имитировать их деятельность, воссоздавая обстановку, но не понимая ее истинного значения.

Дополнительно стоит отметить, что в целом бытовой аспект как таковой героям Козлова не интересен, о чем свидетельствует, например, двойственное отношение героев к еде и напиткам. С одной стороны, указание реалий этой группы (чай [Козлов 2005: 9, 27, 34, 163, 171], варенье [там же: 34], компот [там же: 169]) тоже способствует созданию особой домашней атмосферы покоя и душевной близости; совместная трапеза воспринимается как своеобразная форма невербального общения, в процессе которого устанавливаются и укрепляются межличностные связи (так, в сказке «Ворон» [там же: 32–35] Ёжик, по сути, являющийся воплощением детского характера, в силу большой психолого-возрастной дистанции не может придумать подходящую тему для разговора с Вороном, но приглашает его на чаепитие в стремлении спасти от одиночества). С другой стороны, процесс приго-

товления и употребления пищи в данном цикле часто противопоставляется духовной деятельности, например, Медвежонок сердится на Зайца, который отказывается от полета в космос, предпочитая исследованию экологического состояния Земли варку моркови («Не грязните мою Землю» [там же: 110–113]) – погруженность в заботы об удовлетворении базовых потребностей ослабляет связь человека с миром, отвлекает его от глобально важной проблематики и лишает шанса позаботиться о родной планете и тем самым исполнить свой долг перед ней. Полагая непосредственно бытовые моменты «скучными» [там же: 147], герои определяют свою жизнь в рамках иного масштаба, представляя всю Вселенную в качестве домашнего пространства – их целью становится гармонизация космоса. Актуализация реалий труда в соответствующем контексте (Ёжик и Медвежонок протирают звезды тряпкой, предварительно сбив пыль веником – занимаются уборкой («Как Ёжик с Медвежонок протирали звезды» [там же: 218–220]); находят свернутые в рулоны «небы» [там же: 221] и решают заменить старое небо одним из них – делают ремонт («Как Ёжик с Медвежонок меняли небо» [там же: 220–225])) утверждает идею мироздания как общего дома, требующего внимания и заботы со стороны каждого. Подобная установка налагает на индивида личную ответственность за судьбу мира («Если Медвежонок не протрёт звёзды, если я не протру звёзды, то кто же протрёт звёзды?» [Козлов 2005: 220]), побуждая его обращаться к «вечным» вопросам и самостоятельно искать решения глобальных проблем. Ёжик и Медвежонок свободно проявляют творческую активность в «своем» пространстве, осознавая при этом и необходимость сталкиваться с негативными последствиями такой деятельности, если она противоречит изначальной гармонии мироустройства: легкомысленная попытка поменять небо оборачивается тяжелым трудом, не приводящим к предполагаемому результату («будешь сам не рад» [там же: 225]), но вместе с этим становится отправной точкой для героев как со-творцов⁷ Вселенной, причем созданные их волей объекты (Ёжикина звезда) кажутся им особенно ценными и прекрасными – родными, а следовательно, отличающимися от остальных.

Персонажи Г. Цыферова, напротив, в большей степени ориентированы на взаимодействие с коллективом, что вводит в круг проблематики философской сказки социально-бытовые аспекты, значимые для маленького читателя, например, выбор профессии («Жил на свете слоне-

нок»), соответствие требованиям трудовой дисциплины («Паровозик из Ромашково»). Герой, стремящийся к социализации и самореализации в деятельности, полезной для окружающих, рассматривает предметы домашнего обихода с точки зрения их функциональности: так, слоненок («Жил на свете слоненок» [Цыферов 2005: 18–19]), обнаруживая в себе внешнее сходство с зонтом (большие уши) и лейкой (длинный хобот), начинает воспринимать свое Я через сопоставление с этими объектами и пытается воспроизвести их способ действия, благодаря чему открывает в себе новые способности и находит истинное призвание в работе пожарного – опыт повседневной жизни, отраженный в бытовых реалиях, становится опорой для формирования общественно значимой личности. При этом стоит отметить, что, хотя трудовая деятельность в творчестве Цыферова не обретает космических масштабов, как это происходит в произведениях Козлова, она не представляется исключительно бытовым феноменом. Обращение к реалиям труда позволяет писателю раскрыть понятие «польза» не только как утилитарно-практическую, но и как духовную категорию: истинное благо приносят даже, на первый взгляд, абсурдные действия героев, если они обусловлены стремлением к гармонии и общему счастью. Исследование мира через призму профессиональной точки зрения представляет его с иного ракурса, выявляющего этическую и эстетическую ценность и окружающих предметов, и обращенной на них деятельности: врач («Лисенок» [Цыферов 2005: 71]) способен распознавать не только болезни тела, но и болезни души – скрытые в сердце злость и жестокость, искажающие сущность человека, а часовой мастер («Ослик» [там же: 72]) дарит жизнь механизмам, черпая вдохновение в красоте природы – так, ориентация на общественную активность признается важным и органичным фактором становления полноценной личности, не противоречащим ее стремлению к познанию законов бытия.

Эта же установка на социальный аспект выражается в том, что для Цыферова приоритетным является изображение пространства вне дома, целью писателя становится показать героя не только в его связи с мирозданием, но и в условиях определенной среды. Индивид помещается в более конкретные, чем у Козлова, временные рамки, что, однако, тоже способствует утверждению вечных ценностей. Так, большое внимание уделяется реалиям городской жизни: в художественный мир сказки вводятся соответствующие здания (многоэтажные дома с балконами [Цыферов 2005: 32]), учреждения (музей, зоо-

парк [там же: 56], детский сад [там же: 120]), СМИ (афиша [там же: 48], газета [там же: 62], радио [там же: 64]); в частности, особенно широко представлены разные виды техники (пароход [там же: 14], бульдозер [там же: 38], ракета [там же: 33]⁸), на примере смены которых раскрывается проблема прогресса. Если в творчестве Козлова образ города амбивалентен, он одновременно является и проводником культуры (именно из города приходит в лес кот-поэт Басё («Великое имя Басё» [Козлов 2005: 28–30])), и источником экологической опасности (ядовитый дым заводов загрязняет планету («Не грязните мою Землю» [там же: 110–113])), то в произведениях Цыферова город представлен пространством, порожденным заботой о будущих поколениях, чудесным подарком могучих родителей для любимого ребенка («Маленький великанчик» [Цыферов 2005: 165–177]). В этом отношении прогресс оказывается естественным и положительным явлением: новые объекты отвечают актуальным задачам, а устаревшие сохраняют свою значимость, начиная исполнять новые функции – что соотносится и с жизнью человека.

Например, герой сказки «Паровозик Чу-Чу» [там же: 55–56], будучи списанным после строительства более удобной автомобильной дороги, отказывается стать экспонатом музея и отправляется работать в зоопарк, где обретает счастье в общении с детьми. На примере знакомых читателю ситуаций путешествия по железной дороге, посещения музея, катания на аттракционе и ассоциирующихся с ними образов паровоза (приносящий пользу пассажирский поезд; интересный, но утративший свои оригинальные функции экспонат; веселый и красивый детский паровоз) Цыферов раскрывает идею об истинном предназначении человека. Жизнь индивида является полноценной, только если он реализует свои таланты в соответствии с идеалом нравственности. Внешние обстоятельства, действительно, влияют на судьбу, но не определяют ее, окончательный выбор всегда делает сам человек: добровольно отказаться от деятельности, удовлетворившись былыми заслугами, и оборвать связь с миром, лишиться возможности развития, самосовершенствования, самого смысла существования – или продолжить служить добру даже в непривычных для этого условиях, тем самым обретая радость жизни в новой, но не менее важной роли и подтверждая вневременную значимость личности. Писатель показывает, что исторические изменения отражают стремление человечества к мировой гармонии и дополнительно подчеркивают незыблемость духовных ценностей.

В итоге, несмотря на характерное для философской сказки стремление к обобщению, в творчестве Цыферова художественный мир произведений обретает пространственно-временные координаты: с помощью реалий, относящихся к сфере городской жизни, формируется относительно четкий образ современности, отличающийся от иных этапов научно-технического развития. В произведениях Козлова историческое время в большей степени вводится через восстановление традиции, в частности, через обращение к теме деревни⁹. Именно в этой среде герой оказывается в кругу семьи, обычно представленной бабушкой и дедушкой – хранителями народной мудрости и нравственности. При этом автор наделяет их индивидуальными чертами характера (если бабушка Зайца энергична и деятельна («Соленые ножки» [Козлов 2005: 160–162]), то дедушка Медвежонка склонен к меланхолии («Кукуня» [там же: 99–102])), что позволяет ему раскрыть разные грани исконного образа жизни на примере реалий трудовой и досуговой деятельности: старшее поколение владеет навыками физического труда (например, косьба («Пяточка» [там же: 133–134])), умеет применять теоретические знания (бабушка учит Зайца извлекать корень [там же: 160–162]), обладает творческими способностями и чувством прекрасного (дедушка Медвежонка любит играть на скрипке, а бабушка – слушать его музыку [там же]). Именно семья становится опорой для существования традиции: будучи идеальными родителями, любящими наставниками и защитниками, старшие герои стремятся передать свой опыт другим. Необходимо отметить, что Козлов, как правило, раскрывает эту тему через обращение к приему ретроспекции. Главные герои вспоминают время, проведенное с бабушками и дедушками, воспроизводят их деятельность в настоящем, что утверждает непрерывность связи поколений, однако изображение деревни преимущественно в ретроспективном плане указывает на факт некоторого отдаления современного человека от традиционного уклада.

В творчестве Цыферова и Козлова в большей степени друг другу противопоставляются не столько город и деревня, сколько личность и мир в целом, но оба писателя не оставляют без внимания различия городского и деревенского типа культуры, при этом выявляя своеобразный конфликт – жителями города последняя воспринимается как чужая: типичные для нее реалии быта и природного мира вызывают у героев смех и удивление. Решая задачу преодоления этого разрыва, Цыферов актуализирует дидактическую

функцию юмора, помещая персонажей в очевидно абсурдную для читателя ситуацию: так, никогда не бывавший в деревне директор выставки («Живой мотоцикл» [Цыферов 2005: 62–66]) принимает теленка за мотоцикл, не понимая различий между машиной и живым существом. Маленький адресат, будучи более осведомленным, осознает нелепость поведения героя и стремится дистанцироваться от него. Козлов же, напротив, обращается к принципиально новой для читателя информации, упоминая неизвестные ему реалии деревенской жизни (например, название частей косы – «пяточка», «косовище» [Козлов 2005: 133]) и тем самым провоцируя его любознательность.

Однако в целом проблема взаимодействия культур в творчестве Цыферова несколько редуцирована. Писатель обычно апеллирует только к знакомым дошкольнику по его собственному опыту объектам реального мира, что обусловлено особенностями психологии адресата: на этом этапе взросления ребенка интересуют явления, происходящие непосредственно вокруг него и доступные для самостоятельного анализа, поэтому автор предлагает ему сосредоточиться на интеллектуальном и эмоциональном освоении феноменов повседневной жизни. Сказочный цикл Козлова обращен к более старшему детскому возрасту: упоминание незнакомых объектов и явлений не препятствует восприятию произведения, а стимулирует интерес, побуждает к знакомству с иной культурой, ее системой идей и ценностей: герои учат иностранные языки, например французский («Сова-сова» [Козлов 2005: 169–171]), соприкасаются со сферой искусства (встречают кота-поэта по имени Басё¹⁰ («Великое имя Басё» [там же: 28–30]), гуляют по Бетховенской тропе («Бетховенская тропа» [там же: 15–16]))¹¹. При этом употребление слов, называющих реалии, часто сопровождается объяснением их значения через проведение аналогии с единицами родного языка (джонка – это «лодка китайская, с домиком» [там же: 21]) и помещением их в соответствующий культурный контекст (Медвежонок изображает джонку на рисунке, посвященном Китаю («Великий китайский поэт» [там же: 21–23]), в соответствии с эстетическими принципами традиционного китайского пейзажа [Яковлева 2012: 9–12]). В произведениях Цыферова подобные названия реалий встречаются редко¹², причем упоминаются независимо от определенной культурной традиции: так, слово «пиро́га» («Пирог» [Цыферов 2005: 123–125]) заимствуется из «старой книги» [там же: 123] как синоним слова «лодка». В данном случае обращение к иноязычной лексике

становится не столько способом соприкосновения с другой культурой, сколько отправной точкой для выстраивания юмористического сюжета на основе языковой игры, что также способствует раскрытию философской проблематики: ориентируясь на похожее звучание, герои приходят к выводу о взаимосвязи денотатов пары омографов «пирогі – пироги» и решают построить лодку из кондитерских изделий – в результате писатель представляет остранинное изображение действительности, утверждая преображающую силу творческой активности индивида, способного увидеть глубинное сходство разных объектов окружающего мира.

Соответствующие принципы обращения к реалиям особенно ярко проявляются в произведениях, посвященных описанию быта. Так, миницикл Цыферова «Что у нас во дворе» состоит из небольших отрывков, посвященных предметам городского благоустройства – дом, качели, клумба. Богатое воображение рассказчика открывает эмоционально-образную полноту повседневной жизни, проявляющуюся в уподоблении бытовых реалий объектам, обычно ассоциирующимся с приключением и тайной (телевизионные антенны похожи на мачты [Цыферов 2005: 152], скрип качелей – на скрип корабельных снастей [там же: 153], уличный фонарь – на сундучок [там же: 155]), что побуждает читателя пересмотреть свое представление о данном жизненном пространстве и осознать бытийную значимость даже самых привычных явлений, их органичную включенность в общий план мироздания. В сказке Козлова «В гостях у Собаки» [Козлов 2005: 19–21] быт представлен через сопоставление устройства русского и китайского дома (например, топчан сравнивается с кроватью и печью), в котором выявляются и уникальные черты двух культур, утверждающие красоту многообразия окружающего мира, и их точки соприкосновения, обуславливающие возможность взаимопонимания, единения на основе всеобщих ценностей. Например, в произведении «Великий китайский поэт» [там же: 21–23] знакомство с живописью и литературой другой страны позволяет Ёжику и Медвежонку сформулировать универсальный закон искусства – «У кого есть великие поэты – всё помнят» [там же: 23]; писатель подчеркивает значимость творца как хранителя истории и культуры народа, идей и достижений своего поколения и, отмечая немаловажность осознанного отношения к проблемам развития искусства и эстетического воспитания человека, иронично указывает на необходимость творческой свободы художника,

так как истинный шедевр не может быть создан по принуждению (строгое требование немедленно приступить к написанию стихотворений «способный» [там же] Заяц воспринимает с недоумением). В итоге ситуация соприкосновения с реалиями чужой культуры не только способствует расширению кругозора маленького читателя, но и привлекает его внимание к «вечным» вопросам, помогая научиться уважать другого и лучше понимать самого себя.

Итак, художественный мир философской сказки, представленной произведениями Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова, активно включает в себя объекты и явления, ассоциирующиеся с определенными культурно-историческими условиями, причем характеристики и функции реалий меняются в зависимости от психолого-возрастных особенностей адресата и идейно-эстетических воззрений автора, что обуславливает превалирование разных аспектов в творчестве этих писателей: город (пространство общества) – дом (пространство индивида), прогресс – традиция, переосмысление известного – открытие нового. В любом случае установление подобной связи с внелитературной действительностью способствует реализации философской составляющей произведения, представляющего феномены окружающего мира в контексте духовно-нравственной проблематики и выявляющего бытийную значимость конкретно-исторических явлений, приобщающего ребенка к определенной системе идей и ценностей и побуждающего его к самостоятельной интеллектуальной и творческой деятельности.

Примечания

¹ Несмотря на признание философского потенциала как народной, так и литературной сказки отечественными ([Богатырева 2019: 173–177; Овсянникова 2022: 108–113]) и зарубежными ([Власова 2019: 141–144; Bom, Schaffalitzky 2019: 226–241; Lewin 2020: 213–231]) исследователями, проблема описания истории становления философской сказки и определения ее жанрообразующих признаков остается актуальной. На данный момент единственной крупной научной работой, представляющей русскую философскую сказку для детей в качестве главного объекта изучения, является диссертация А. В. Тихомировой [Тихомирова 2011], в которой исследуются произведения, воплощающие принципы философии языка, при сознательном отказе от рассмотрения бытийных аспектов содержания. В трудах других исследователей, посвященных изучению жанрового разнообразия литератур-

ной сказки [Овчинникова 2001] и детской литературы определенного периода в целом [Октябрьская 2017], философская сказка выделяется, но не получает достаточно подробной и четкой характеристики.

² В настоящее время термин «реалия» неоднозначен (см. подробнее: [Фененко 2007: 5–9]). В данной статье это понятие в большей степени подразумевает объекты и явления реальной действительности (см. подробнее: [Ахманова 2007: 381; Федоров 2002: 206]), чем называющие их лексические единицы, не имеющие точных эквивалентов в других языках (см. подробнее: [Влахов, Флорин 2006: 21, 59–60]), что обуславливается литературоведческими задачами работы.

³ Поскольку данная статья посвящена исследованию реалий как элементов, отражающих состояние внелитературной действительности в рамках художественного мира философской сказки, наиболее обоснованным кажется обращение к тематической классификации реалий, выявляющей основные сферы их бытования. С этой точки зрения наиболее полно реалии представлены в работах С. Влахова, С. Флорина [Влахов, Флорин 2006] и В. С. Виноградова [Виноградов 2001].

⁴ Самовар часто рассматривается как главный атрибут традиционного русского чаепития, который, однако, в XX в. выходит из обихода и начинает ассоциироваться со стариной, даже экзотикой [Савостьянова 2013: 72–80].

⁵ Стремление героев Козлова к общению с природным миром, возможно, соотносится с представлениями восточной философии [Овсянникова 2022: 108–113] о единстве человека и природы [Уланов 2017: 157–162], созерцание которой открывает истинную сущность вещей [Скворцова 2023: 113–134].

⁶ Некоторые исследователи отмечают, что процесс сумерничания в данном случае обретает характер ритуала, необходимого для соприкосновения с тайной бытия (см. подробнее: [Елепова, Кабанова 2021: 512–521]).

⁷ Эта идея созвучна представлениям В. С. Соловьева [Соловьев 1988: 581–756], Н. А. Бердяева [Бердяев 1989: 252–534] о человеке как соучастнике дела Творца, преображающем мир в одухотворенном художественном акте.

⁸ Героям Козлова, например, слово «ракета» незнакомо, они называют данный объект «трубой» [Козлов 2005: 111].

⁹ В творчестве Цыферова тема деревни раскрывается в несколько ином ракурсе. Писатель изображает не столько сменяющие друг друга типы уклада, сколько равноправно сосуществу-

ющие пространства, гармонично дополняющие друг друга: в реалиях городской жизни отражается потенциал человека как деятеля, творца истории, в то время как объекты природного мира и деревенского быта напоминают о связи преходящего и вечного.

¹⁰ Мацуо Басё, японский поэт XVII в.

¹¹ Обращение к элементам культурного наследия Запада и Востока также соответствует идее гармонизации мира: Козлов моделирует глобальное многокультурное пространство, подчеркивая самобытность упоминаемых реалий, но раскрывая их в качестве органичных частей одной системы, тем самым утверждая мысль о красоте Вселенной в ее многообразии.

¹² Цыферов принципиально избегает слов, недостаточно понятных адресату: так, отправляясь в путешествие, его герой собирает с собой «мешочек» [Цыферов 2005: 22], в то время как персонаж Козлова в той же ситуации берет «котомку» [Козлов 2005: 58].

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова. М.: Правда, 1989. С. 252–534.

Богатырева Ж. В. Сказка как отражение духовных потребностей общества: традиции и трансформации в современном социальном пространстве // Kant. 2019. № 3(32). С. 173–177.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Власова Г. И. Литературная сказка в современной детской прозе Казахстана // Простор. 2019. № 8. С. 141–144.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2006. 447 с.

Елепова М. Ю., Кабанова Н. Г. Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 512–521. doi 10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521

Коваленко М. М. Стиль Сергея Козлова: образный строй, жанр, контекст: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 248 с.

Козлов С. Г. Всё о Ёжике, Медвежонке, Львенке и Черепахе: Сказки, стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2005. 512 с.

Лишаев С. А. Уютное место (феномен уюта в эстетике пространства) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

кина. Серия «Философия». 2010. Т. 2, № 4. С. 144–153.

Овсянникова А. А. Ёжик и Медвежонок в тумане: сказочный мир Сергея Козлова в зеркале восточной философии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 1(94). С. 108–113.

Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 387 с.

Октябрьская О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 481 с.

Савостьянова Е. В. Где и как «живет» чайник? // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 2. С. 72–80.

Скворцова Е. Л. Японская философия XX века о культурных смыслах Ничто как выражения истинной реальности // Вестник культурологии. 2023. № 1(104). С. 113–134. doi 10.31249/hoc/2023.01.07

Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Loseva и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.

Спиридонова Г. С. О психологизме детской литературы (на примере русской литературной сказки) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 438–441.

Тихомирова А. В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX – начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011. 181 с.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 140 с.

Уланов М. С. Буддийская культура и экологическое сознание // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 34(2). С. 157–162.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высш. шк., 2002. 416 с.

Фененко Н. А. Лингвистический статус термина реалия // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2, ч. 1. С. 5–9.

Цыферов Г. М. Как лягушонок искал папу: сказки и маленькие сказочки, сказочные истории, рассказы, повесть. М.: АСТ, 2005. 366 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Яковлева Н. Ф. Китайская живопись «Гохуа»: важнейшие факторы развития и ключевые свойства // Вестник ЗабГУ. 2012. № 9(88). С. 9–12.

Bom A., Schaffalitzky C. Is the Ugly Duckling a Hero? Philosophical Inquiry as an Approach to Hans Christian Andersen's Fairy Tales in Danish Primary School Teaching // Forum for World Literature Studies. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 226–241.

Lewin D. Between Horror and Boredom: Fairy Tales and Moral Education // Ethics and Education. 2020. Vol. 15 (2). P. 213–231.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 576 p. (In Russ.)

Berdyayev N. A. Smysl tvorchestva [The meaning of the creative act]. In: Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 252–534. (In Russ.)

Bogatyreva Zh. V. Skazka kak otrazhenie dukhovnykh potrebnostey obshchestva: traditsii i transformatsii v sovremenном sotsial'nom prostranstve [The tale as a reflection of the spiritual needs of the community: Tradition and transformation in the modern social space]. *Kant*, 2019, issue 3(32), pp. 173–177. (In Russ.)

Vinogradov V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow, Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education Press, 2001. 224 p. (In Russ.)

Vlasova G. I. Literaturnaya skazka v sovremennoy detskoy proze Kazakhstana [The literary fairy tale in modern children's prose of Kazakhstan]. *Prostor* [Expanse], 2019, issue 8, pp. 141–144. (In Russ.)

Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2006. 447 p. (In Russ.)

Elepova M. Yu., Kabanova N. G. Mifopoetika prostranstvenno-vremennogo kontinuum v skazkakh Sergeya Kozlova o Ezhike i Medvezhonke [Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales of the Hedgehog and the Bear]. *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, issue 27, pp. 512–521. doi 10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521. (In Russ.)

Kovalenko M. M. *Stil' Sergeya Kozlova: obraznyy stroy, zhanr, kontekst*. Diss. kand. filol. nauk [Sergey Kozlov's style: the figurative structure, genre, context. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2017. 248 p. (In Russ.)

Kozlov S. G. *Vse o Ezhike, Medvezhonke, L'venke i Cherepakhe: Skazki, stikhotvoreniya* [Everything about the Hedgehog, Bear, Lion and Turtle:

Tales, Poems]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)

Lishaev S. A. Uyutnoe mesto (fenomen uyuta v estetike prostranstva) [Cosy Place (Phenomenon of Cosiness in Aesthetics of Space)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya 'Filosofiya'* [Pushkin Leningrad State University Journal. Series: Philosophy], 2010, issue 4, vol. 2, pp. 144–153. (In Russ.)

Ovsyannikova A. A. Ezhi i Medvezhonok v tumane: skazochnyy mir Sergeya Kozlova v zerkale vostochnoy filosofii [Hedgehog and Bear-cub in the fog: the fairy-tale world of Sergei Kozlov in the mirror of eastern philosophy]. *Uchenye zapiski Orel'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University], 2022, vol. 1, issue 94, pp. 108–113. (In Russ.)

Ovchinnikova L. V. *Russkaya literaturnaya skazka XX veka (istoriya, klassifikatsiya, poetika)*. Diss. d-ra filol. nauk [The Russian literary tale of the 20th century (history, classification, poetics). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 387 p. (In Russ.)

Oktyabr'skaya O. S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoy detskoj literature 1920 – 50-kh godov*. Diss. d-ra filol. nauk [The formation and development of the genre system in Russian children's prose of the 1920s–1950s. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2017. 481 p. (In Russ.)

Savost'yanova E. V. Gde i kak 'zhivet' chaynik? [Where and how does a teapot live?]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Service & Tourism: Current Challenges], 2013, issue 2, pp. 72–80. (In Russ.)

Skvortsova E. L. Yaponskaya filosofiya XX veka o kul'turnykh smyslakh Nichto kak vyrazheniya istinnoy real'nosti [The Japanese philosophy of the twentieth century about cultural meanings is Nothing as an expression of true Reality]. *Vestnik kul'turologii* [Herald of Culturology], 2023, issue 1(104), pp. 113–134. doi 10.31249/hoc/2023.01.07. (In Russ.)

Solovyov V. S. Kritika otvlechennykh nachal [The critique of abstract principles]. In: Solovyov V. S. *Sochineniya* [Writings]: in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 1, pp. 581–756. (In Russ.)

Spiridonova G. S. O psikhologizme detskoj literatury (na primere russkoy literaturnoy skazki) [About psychologism in children's literature (on the example of Russian literary tale)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2019, issue 2(75), pp. 438–441. (In Russ.)

Tikhomirova A. V. *Zhanrovye osobennosti filosofskoy skazki v russkoy literature vtoroy poloviny XX – nachala XXI v.* Diss. kand. filol. nauk [Genre features of the philosophical fairy tale In Russian literature of the second half of the 20th – early 21st century. Cand. philol. sci. diss.]. Yaroslavl, 2011. 181 p. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetry Language]. Leningrad, Academia Publ., 1924. 140 p. (In Russ.)

Ulanov M. S. Buddiyskaya kul'tura i ekologicheskoe soznanie [Buddhist culture and environmental consciousness]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2017, issue 34 (2), pp. 157–162. (In Russ.)

Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Introduction into the General Theory of Translation (linguistic problems)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Fenenko N. A. Lingvisticheskiy status termina realiya [Linguistic status of the term 'realia']. *Vestnik VGU, Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2007, issue 2, pt. 1, pp. 5–9. (In Russ.)

Tsyferov G. M. *Kak lyagushonok iskal papu: skazki i malen'kie skazochki, skazochnye istorii, rasskazy, povest'* [How a Little Frog Was Looking for His Father: long and short fairy tales, fantasy and true stories, a short novel]. Moscow, AST Publ., 2005. 366 p. (In Russ.)

Shveytser A. D. *Perevod i lingvistika. Gazetno-informatsionnyy i voenno-publitsisticheskiy perevod* [Translation and Linguistics: Translation of Information and Military Newspaper Articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 280 p. (In Russ.)

Yakovleva N. F. Kitayskaya zhivopis' 'Gokhua': vazhneyshie faktory razvitiya i klyuchevye svoystva [Important factors of developing and key features of Guohua (traditional Chinese painting)]. *Vestnik ZabGU* [Transbaikalian State University Journal], 2012, issue 9(88), pp. 9–12. (In Russ.)

Bom A., Schaffalitzky C. Is the Ugly Duckling a hero? Philosophical inquiry as an approach to Hans Christian Andersen's fairy tales in Danish primary school teaching. *Forum for World Literature Studies*, 2019, vol. 11, issue 2, pp. 226–241. (In Eng.)

Lewin D. Between horror and boredom: fairy tales and moral education. *Ethics and Education*, 2020, vol. 15(2), pp. 213–231. (In Eng.)

The Artistic World of a Philosophical Fairy Tale: Realia in the Works of G. M. Tsyferov and S. G. Kozlov

Veronika V. Domashneva

**Postgraduate Student at the Department of History
of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process**

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. dom.ver@mail.ru

SPIN-code: 4749-4502

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2237-0201>

ResearcherID: IQU-2539-2023

Submitted 15 Jun 2023

Revised 14 Oct 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Domashneva V. V. Khudozhestvennyy mir filosofskoy skazki: realii v tvorchestve G. M. Tsyferova i S. G. Kozlova [The Artistic World of a Philosophical Fairy Tale: Realia in the Works of G. M. Tsyferov and S. G. Kozlov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 106–115. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-106-115 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of the types and functions of realia presented in the philosophical fairy tales written by G. M. Tsyferov and S. G. Kozlov. Their works, focusing on moral issues, depict the world through contrasting the existential and the everyday, which necessitates the study of the authors' ways of representing the signs of their epoch. A motive analysis carried out in the paper takes into account the cultural and historical situation and shows that S. Kozlov's cycle of fairy tales represents the home space and the corresponding household realia, gaining a cosmic scale and thereby affirming the idea of the universe as a common home, while G. Tsyferov's works depict similar objects in connection with the problem of growing up and becoming a socially active person, prioritizing the study of modern city realia which convey the idea of striving for goodness and beauty as the basis of historical transformations. Both writers turn to the sphere of culture, but there is a distinction: G. Tsyferov appeals to the life experience of the addressee, encourages them to rethink familiar objects, building associative chains and actualizing the didactic function of humor, while S. Kozlov attracts the reader's attention to absolutely new information, noting the specifics of the realia of different cultures, thereby stimulating interest in a different type of worldview and explaining the possibility of contacting this worldview on the basis of common values. The paper concludes that the characteristics of realia introduced into the artistic world of a philosophical fairy tale change depending on the psychological and age characteristics of the addressee and the ideological and aesthetic views of the author, but in any case, the establishment of such a connection with reality makes it possible to reveal the ideological component of works devoted to existential problems.

Key words: G. M. Tsyferov; S. G. Kozlov; philosophical fairy tale; Russian literature for children; realia.